

Отец, который находился под гипнозом, не ожидал, что Шан Цзяньяо состроит гримасу.

Этого не ожидал не только он, но и сам Шан Цзяньяо.

Отец на мгновение оцепенел, но затем одним проворным движением отпрыгнул в сторону.

Взмахнув рукой, Шан Цзяньяо уверенно перемещал дуло, пытаясь накрыть выстрелами область, куда мог побежать Отец. Но в этот момент его руки непроизвольно поднялись и нацелили пистолет в его же голову.

— Автоматика тела!

Шан Цзяньяо не только не запаниковал, но и рассмеялся.

Ведь это был совершенно новый опыт.

Его палец уже собирался нажать на курок и выстрелить. Однако, когда его палец коснулся курка, он вдруг забыл о том, что нужно делать дальше.

Шан Цзяньяо применил на себя свою способность под названием «Неподвижность Рук».

В этот момент он повернул голову и посмотрел на Оудика, словно говоря:

— Теперь ваша очередь.

Шан Цзяньяо никогда не думал, что его выстрел настигнет Отца. Своим выстрелом он хотел подтолкнуть его к Оудику и сократить расстояние между ними.

Что касается этого вопроса, то между ним и Цзян Баймянь возникло ненормальное взаимопонимание. В спешке она небрежно выстрелила влево от Отца, в сторону от Оудика.

Это заставило Отца броситься в сторону коридора, где находился Оудик.

Оудик отказался от своей задумки. Он повернулся на пол-оборота, прислонился к стене и нацелился на Отца.

Прежде чем Отец успел увернуться, его глаза потеряли блеск, а веки опустились.

В пылу сражения он задремал и в любой момент мог упасть на землю.

Шан Цзяньяо и Цзян Баймянь, естественно, не могли упустить такую возможность. Как только их руки восстановились, они сразу же перевели дула и прицелились в пошатнувшегося Отца.

Но не успели они это сделать, как с другой стороны коридора, в стороне от Оудика, раздался выстрел.

Под таким углом попасть в Оудика было невозможно, однако выстрел сопровождался громким звуком.

Этот звук ударил в барабанные перепонки Отца и пробудил его от дремоты.

Не разобравшись, что происходит, Отец упал на землю и перекатился, наугад выбрав цель и заставив её руки поднять дуло.

Бах! Бах!

Пуля Цзян Баймянь угодила во флуоресцентную лампу на потолке, и оттуда посыпалось множество стеклянных осколков.

Вокруг стало ещё темнее.

Пуля же Шан Цзяньяо попала в то место, где первоначально стоял Отец, вызвав вспышку искр.

Отец, одетый в чёрный плащ, вошёл в пустую комнату и остановился. Он достал из кармана небольшую стеклянную бутылку и резко бросил её в Оудика.

Не осмелившись подпустить этот предмет к себе, Оудик поднял запястье и со звоном разбил её.

В следующую секунду воздух наполнился сильным запахом уксуса.

Выражение лица Оудика изменилось. Не раздумывая, он бросился прочь из коридора и вернулся в середину зала, подальше от того места. Однако он успел сделать всего два шага, как начал сильно чихать.

Он чихал настолько сильно и часто, что ему даже пришлось остановиться и согнуть спину, не в силах сделать какого-либо другого движения.

Кончик его носа быстро покраснел, что придало ему довольно комичный вид.

Увидев это, Цзян Баймянь сразу же поняла — цена, которую заплатил Оудик, вероятно, была

как-то связана с его носом и обонянием.

У него была аллергия на уксус, причём довольно серьёзная!

Это напомнило Цзян Баймянь об одной сцене, когда она впервые увидела Оудика. Он выглядел спокойным и сдержанным, но кончик его нос был красным, прямо как у клоуна.

Шан Цзяньяо заметил, что иметь острый нос — плохо, и что он легко краснеет от холодного ветра.

Теперь, когда она подумала об этом, Оудик, вероятно, проходил в тот день мимо Южной улицы и чихнул, учуяв запах уксуса.

И Отец точно знал цену, которую заплатил Оудик. Он подготовился заранее к тому, чтобы в самый ответственный момент повергнуть этого могущественного Охотника, который не боялся большинства Пробуждённых.

Причина, по которой он не разбрызгал уксус в зале заранее, заключалась в том, что это помешало бы Оудику войти.

В мгновение ока Цзян Баймянь решила отступить. Перебежками и перекатами она быстро добралась до ближайшей двери.

Она не хотела бросать Шан Цзяньяо, но она хотела отдалиться как можно скорее и постараться не попасть под влияние способностей Отца.

Пока её не контролировали, текущее расстояние можно было считать средней дистанцией, и она могла попасть в цель со 100% вероятностью.

Но в следующую секунду её ноги подкосились, и она упала на землю.

Засунув одну руку в карман, Отец вышел из комнаты, в которой прятался, и со слабой улыбкой сказал: — Это бесполезно. Всё здание находится в зоне действия моих способностей. Я сократил расстояние только для того, чтобы контролировать Оудика.

Его бледное лицо выглядело необычайно болезненным в текущей обстановке.

Шан Цзяньяо не двигался, потому что сражался со своими руками. Если бы не тот факт, что он вовремя использовал «Неподвижность рук», то ему бы удалось «совершить самоубийство».

Во время этого процесса он также время от времени использовал её на Цзян Баймянь, чтобы

она не смогла застрелиться.

Отец постоянно менял цели, тем самым контролируя их обоих. Это не позволяло ему совершать более изощрённые действия. Например, заставить Цзян Баймянь «дойти» до стены и покончить жизнь самоубийством, врезавшись в неё.

Шан Цзяньяо внимательно следил за своим состоянием и состоянием Цзян Баймянь и продолжал использовать способности. Внезапно он с улыбкой сказал:

— Злодеи всегда умирают от того, что много болтают. Разве вы не знаете об этом?

Бледнолицый Отец, одетый в чёрный плащ, рассмеялся.

— Разве я не говорю так много, потому что мне не остаётся делать ничего другого? Ты не можешь использовать вторую способность во время использования другой, только если ты уже не вошёл в «Коридор Разума» и не получил специальный предмет. Как Пробуждённый, ты должен хорошо знать, что сейчас не можешь использовать никакие другие способности.

Другими словами, теперь Отец не боялся, что его застанут врасплох.

Затем он огляделся вокруг и улыбнулся.

— Кроме того, у меня также есть двое слуг.

Как только он это сказал, по обе стороны коридора появились люди. Они быстро приблизились и явили Шан Цзяньяо свою внешность.

Один был в бейсболке, с бровями, похожими на два острых меча, и красивой внешностью, разве что его глаза создавали ощущение, что он не до конца открыл их. У другой были длинные волосы, завязанные в хвост, овальное лицо, мягкий темперамент, а рядом с бровью едва виднелась чёрная родинка.

Лэй Юньсун и Линь Фэйфэй!

Они, исчезнувшие почти на два месяца, взирали на Шан Цзяньяо и Цзян Баймянь пустыми глазами. В то же время они подняли пистолеты и прицелились в них.

В этот момент улыбка Отца стала ещё шире.

— Ах да, я совсем забыл вам сказать. Я выходил за пределы города не для того, чтобы усилить действие гипнотического ритуала. Поэтому подкрепление, которое вы так ждёте, может не

успеть.

***

Пока Оудик, Шан Цзяньяо и Цзян Баймянь выслеживали Отца и ехали на север, бесчисленные кочевники из пустоши оставались стоять на коленях или сидеть, как будто бы это были лишь тела, потерявшие души.

День стоял исключительно холодный, и, казалось, что в любой момент могут повалить крупные хлопья снега. Людей, покидающих город, становилось всё меньше и меньше — желающих же купить рабов и всякий хлам было предостаточно.

Мужчина с бородой, небритой неизвестно сколько времени, сидел около вырытой норы и тупо смотрел на свою жену и ребёнка, которые вот-вот потеряют сознание от голода.

В этот момент к ним подошёл мужчина в рваном хлопчатобумажном халате, такой же грязный и с бородатый.

— А Цай, мы должны что-то сделать, — сказал мужчина своему спутнику возле норы.

А Цай медленно повернул голову, огляделся и тихо произнёс:

— Ли Тоу, что мы можем сделать?

Ли Тоу мрачно ухмыльнулся.

— Ворваться внутрь! Все вместе! Если мы этого не сделаем, то не переживём ночь, когда выпадет снег, но если мы сделаем это, то у нас, по крайней мере, будет шанс выжить!

— Но как нам туда ворваться? Мы же не пробовали этого раньше... — А Цай посмотрел на свою жену и ребёнка и немного растрогался.

Ли Тоу серьёзным тоном сказал:

— Тогда мы были слишком опрометчивы и недостаточно безжалостны. Мы можем сначала объединиться с группой у городских ворот, найти возможность убить охранников у входа, а затем все вместе ворваться внутрь! Разве пушек на городских стенах и пуль может быть больше, чем нас?

По ходу разговора он задрал одежду, обнажив старый револьвер.

— Ты не продал его? — удивился А Цай.

Уголки глаз Ли Тоу дёрнулись.

— Они, наверное, «наелись» до такой степени, что в последнее время никто не приходил ко мне, чтобы что-то купить. Я не могу его продать, даже если бы захотел. Я знаю, что многие люди находятся в похожей ситуации. Если мы соберёмся, то это будет десятки или больше сотни стволов. Почему мы должны бояться, что не сможем ворваться внутрь? Возможно, такова жизнь.

— Интересно, сколько людей погибнет... — пробормотал А Цай, медленно вставая.

— Чего нам бояться? Мы можем даже не пережить эту ночь, так почему мы должны бояться смерти? — Выражение лица Ли Тоу стало ненормально мрачным. — Если мы действительно не сможем ворваться внутрь, мы можем захватить соседние поместья — у них меньше людей, меньше оружия и больше еды. Если это не поможет, то разве все трупы не удовлетворят твой аппетит?

— А Цай, пойми, я тоже не хочу заходить так далеко. Это всё из-за этих проклятых небес! Ты же не хочешь видеть, как твои А Сю и Тяньню умирают от голода? Ты хочешь ждать, пока не сможешь больше терпеть, и мы обменяемся детьми; мы съедим твоего Тяньню, а твоя семья съест моего Сяо Эрхэя. Это на случай если ты не сможешь заставить себя сделать это.

Выражение лица А Цая слегка изменилось, его взгляд постепенно становился безжалостным.

— Хорошо! Сделаем это! Если мы умрём, то, по крайней мере, не нужно будет снова терпеть всё это дерьмо!

Ли Тоу удовлетворённо сказал:

— Ты ведь не продал свой паршивый громкоговоритель?

— Нет, — покачал головой А Цай. — Его ещё можно использовать.

— Хорошо, отдай мне его позже. Я хочу, чтобы все меня услышали. — Ли Тоу глубоко вдохнул и медленно выдохнул. — Если честно, все и правда погибнут, если мы не объединимся и не рискнём своими жизнями!

А Цай не стал возражать и с нетерпением спросил:

— Может, я могу быть ещё как-нибудь полезен? Кого ещё нам нужно привлечь?

— Не надо, я уже связался с первой партией людей. — сказав это, Ли Тоу повернул голову и посмотрел на городские ворота. Его взгляд постепенно становился свирепым, а глаза покраснели.

А Цай и многие люди вокруг него переглянулись.

<http://tl.rulate.ru/book/48559/3339128>